

ЮРИЙ ЧЕМША

Танец маленьких дедушек

Юрий Чемша

Танец маленьких дедушек

«ИТРК»

2020

УДК 821.161.1-312.6
ББК 84-44(2Рос=Рус)

Чемша Ю.

Танец маленьких дедушек / Ю. Чемша — «ИТРК», 2020

ISBN 978-5-88010-694-3

Юрий Чемша, инженер и предприниматель, член Российского союза писателей, не без юмора описывает свои педагогические опыты. Хорошее настроение автора обязательно передастся читателю.

УДК 821.161.1-312.6
ББК 84-44(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-88010-694-3

© Чемша Ю., 2020
© ИТРК, 2020

Содержание

Предисловие	6
Часть I	7
Знакомимся с Настей	7
Танец маленьких дедушек	9
Настя, дедушка и косички	13
Настя и большая политика	20
Большое Пуздро и маленькая Лопузь	23
Настя, дедушка и этикет	26
Вокруг музыки	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Юрий Чемша

Танец маленьких дедушек

*Моей любимой супруге Хукаленко Светлане Борисовне
посвящаю эту книгу*

© Чемша, Юрий, 2020

© Издательство ИТРК, издание и оформление, 2020

Предисловие

Дорогой Читатель!

Если ты уже раскрыл эту книгу, то должен предупредить тебя: ничего для себя нового ты в этой книге не найдёшь.

Эта книга – воспоминания автора об одной маленькой девочке, её родителях и дедушке с бабушкой. Все люди знают, что воспоминания всегда приходят сами, даже когда их не просишь, и никогда – в хронологическом порядке. Поэтому рассказы о девочке тоже разбросаны по книге, как попало, как они внезапно приходили к автору.

Маленькая девочка Настя описана так, как её видит своими любящими глазами родненький дедушка. А так как любящие глаза всегда немного подслеповаты, то дедушка не видит, как эта девочка капризничает или отказывается есть борщ, а то и даже (о, ужас!) не хочет играть на рояле. Она в глазах дедушки всегда любимая внучка, всегда права в спорах с родителями, а вместо борща её следует кормить только пирожными и конфетами. На худой конец – мороженым, если лето.

Это непоколебимая позиция любого дедушки, у которого немного внучек, а в этой книге и вовсе одна.

И только строгий взгляд папы или короткая реплика мамы возвращают Настю к борщу или роялю.

«Ничего, – думает дедушка, – время всё расставит. Когда-нибудь и вы, строящие из себя строгих, займете парочку внучек, станете бабушкой и дедушкой, и тогда посмотрим, что вы будете думать о борщах, роялях и пирожных».

Дедушка ласково подмигивает Насте. Настя подмигивает дедушке, пока не зная, что коварным, но наивным дедушкой уже запланированы у неё, лет этак через пятнадцать-двадцать, парочка девочек и мальчик – прекрасные, послушные детки, если не заставлять их есть борщ и не приковывать к роялю.

Впрочем, Читатель ещё узнает все эти подробности из раскрытой книги, и ему предстоит удивиться: да он смог бы написать точно такую!

Ну да, совершенно верно! Автор уверен, что его Читатель так же добр, красив и любим, как персонажи этой книги. И так же любит своих внуков (если он дедушка), мам (если он сын или дочь), детей (если он родитель). И ему, Читателю, ничего не стоит написать точно такую же книгу, но про своих дедушек или внучек. Только руки всё не доходили. Но вот сейчас он дочитает эту, что так удачно попала ему, воодушевится, сядет за стол и тут же примется за дело!

И тогда любимых дедушек на земле станет заметно больше. Ровно на столько, на сколько станет больше любимых внучек или внуков.

Часть I

Знакомимся с Настей

Настя (1 год, 11 месяцев) очень общительна и любит разговаривать. Жаль только, мало слов знает, всего штук пять. Зато вчера она выучила целую фразу и прекрасно научилась её говорить: «Не буду!»

Оказывается, фразы лучше, чем отдельные слова. Ими можно даже разговаривать со взрослыми на равных. А «Не буду!» – вообще замечательная, на все случаи жизни. Ею можно поддерживать даже светскую беседу. Тем более что фраза у Насти получается ну совсем как у папы или у мамы, абсолютно без всяких детских акцентов.

Первую «Н» она категорично тянет, но конец фразы «...буду!» по-женски смягчает, отчего всё получается энергично, но вежливо:

– Н-не буду!

Ну просто очень удобная фраза. И в будущем наверняка пригодится, например, как отказ сватающемуся жениху.

Конечно, Настя умеет говорить и «буду». Но кто ж будет применять такое короткое, невыразительное, глухое слово, когда в запасе есть целая фраза? Тем более, уже сильно устаревшее, выученное аж две недели назад. В словарях возле такого слова пишут «устар.» – мол, смотрите не вздумайте блеснуть им в каком-нибудь изысканном обществе, вас засмеют и запишут в ретрограды.

А вот новинка: «Не буду!» звучит совсем иначе – решительно и категорично, как у вполне самостоятельного человека. С этим в любое общество не стыдно.

Поэтому даже там, где надо говорить «Буду», чаще применяется более модное как самое подходящее: «Н-не буду!»

– Настя, будешь кашку? Смотри, какая вкусная кашка!

– Н-не буду! – и далее следует всяческое отлынивание вперемежку с откровенным саботажем.

– Настя, будем гулять? Смотри, на дворе солнышко!

Бежит сама за шапочкой, хватает ботинок, и радостное:

– Н-не буду!

Очень самостоятельный человек растет. Современный и оригинально мыслящий.

У Насти есть подарок папы – плеер. Это такая маленькая коробочка, откуда невидимые дети, а также тётки с ласковыми голосами поют разное приятное и весёлое.

Папа закачал туда песни своего детства – из мультиков и для детсада. Они замечательные и выразительные. Насте очень нравятся.

Вот она блаженствует на широченной родительской кровати. Кстати, о кровати. Когда-нибудь и у Насти будет такая кровать. Можно и так завалиться, и так кувырнуться, и так упасть – сплошное удовольствие, не то, что в её нынешней колыбельке. Хорошо быть родителями! У Насти обязательно будут дети, чтобы Настя могла называться родителем.

А тут ещё из плеера песня несётся, любимая, Настя все слова знает, но пока не все говорит:

Плеер:

– Облака-а-а! Белогривые лоша-а-адки. Облака-а-а!..

Настя (очень точно, в унисон):

– Бака-а!

Это слышит мама, случайно заглянувшая в спальню. Мечтательное «Бака-а!» заставляет её, давась от смеха, срочно искать видеокамеру. Поэтому она не слышит, как плеер продолжает:

– Облака-а-а – что вы мчитесь без огля-а-адки?

И хоть камера всегда где-то тут под рукой, но сейчас для семейной истории навеки утерян бессмертный унисон Настиного караоке, сопроводивший эту строчку. Очень жаль. Но спасибо маме Насти. От имени потомков, когда Настя вырастет и наверняка тоже станет родителем: мама успела-таки вернуться!

Спрятавшись за дверь, она тайно сняла унисон ещё более бессмертный:

Плеер:

– ...Не смотрите вы, пожалуйста, свысока-а-а!

Настя (плееру, твёрдо):

– Н-не буду!

Я приложил бы тут читателю видео – или хотя бы звуковой файл. Но, как вечером выяснил папа Насти, противная камера всё же глюкнула, как будто её кто-то уронил, увы.

Впрочем, папа Насти убеждён, что это глюкнула мама...

Танец маленьких дедушек

Дедушка должен быть высок, строг, опрятен и недоступен. Громкий зычный голос отдаёт внятные конкретные команды. Усы и борода усиливают эффект недоступности и возносят авторитет дедушки на недосягаемую высоту, так, примерно, до Деда Мороза.

Наш дедушка не обладает ни одним из вышеперечисленных признаков недоступности. Поэтому пятилетняя Настя зовёт его просто – Юра.

– А сейчас все смотрят танец маленьких дедушек! – объявляет Настя и принимает осанку Юры, как она её видит. То есть становится похожей на лысую обезьяну. Для полной картины на ней майка и туфли деда, а ещё почему-то высовывается и язык. Всем смешно. Дедушка нейтрально говорит, что ему тоже.

«– А сейчас все смотрят танец маленьких дедушек! – объявляет Настя и принимает осанку Юры, как она её видит».

Родители хотят воспитать из Насти типичную интеллигентную москвичку. Бедное дитё до сих пор не умеет даже крепко выругаться, например: «Кар-р-рамба!» Или хотя бы просто: «Чёрт побери!» По каждому поводу произносит «извините», «спасибо», «пожалуйста», «будьте добры»...

Дедушка считает, что в душе своей он и так добр, без дополнительных просьб. После посещения улицы Настя непременно моет руки.

- Настенька, ты же их только сейчас мыла!
- Юра, там же микробы!
- Что за микробы?
- Ну, такие, маленькие. Заразные.

Настя пока не знает, что у слова «зараза» несколько вариантов применения.

«Замордуют эти московские родители ребёнка, – горюет бабушка, – Ох, замордуют. А ведь ему уже пять лет! У человека совсем нету детства...»

В своём детстве бабушка не помнит, мыл ли он руки вообще. А среди пацанов слыл затейником и непоседой, ну и ещё был признанным знатоком дворового фольклора.

Вспоминая своё босоное детство (детству положено быть босоногим), дед незаметно для окружающих расчувствовался и запел одну из любимых когда-то песен с трагическим содержанием и замогильным мотивом:

*...В нашем городе, на окраине
Лягушонка в помойке нашли.
Чисто вымыли, чисто выбрили.
А потом на помойку снесли...*

Но, как сразу же оказалось, дед выбрал для воспоминаний неудачное время и неудачное место. Семейство сидит как раз за столом и ест ягоды. При слове «помойка» бабушка, у которой был свой вариант босоногого детства дочки работника райкома, поперхнулась вишнёвой косточкой. Откашлявшись, она набрасывается на дворового романтика:

– Ты б лучше спел, старый, что-нибудь пионерское. «На медведя я, друзья, выйду без испуга, если с другом буду я, а медведь без друга...» Иль не знаешь такую?

– Ты учишь ребёнка нападать вдвоём на одного! – сердится дед. – Таких мы в детстве...

– Ну! И что таких вы в детстве? – ехидно и с вызовом спрашивает бабушка.

Она готовится к долгим прениям по теме и заранее подбирает слова.

– Мы... – запинаясь дед. Он вдруг понимает, что не может вспомнить ни одного случая из своего детства, чтоб двое на одного. Тогда это было просто невыносимо. Уж неизвестно, почему. Под страхом, наверно, смерти, что ли...

– Мы подвергали таких обструкции! – ляпает дед первое, попавшееся на ум.

– Извините, пожалуйста, а как это, «об струкцию»? – спрашивает Настя. – Обо что?

– Это не тебе обструкция, это вон ему, – успокаивает внучку бабушка. А сама думает: «Что-то дед подозрительно быстро затих. Не затеял ли какую каверзу?»

Она хорошо изучила деда. Он затеял.

Бабушка понял, что именно на нём теперь висит ответственность сделать из Насти человека. У него уже зрел план, как начать делать из живого, хоть и московского, ребёнка правильного человека, приспособленного к любым жизненным невзгодам.

Не прошло и часа, как план вступил в дело.

Настю с дедом посылают в продуктовый магазин. Дед понимает, что ему дан шанс. По дороге он объявляет Насте, что им надо разучить легендарную песню.

– Легendarную – это какую? – спрашивает Настя.

– Это когда ты поёшь, а вокруг тебя все плачут.

«Интересно будет посмотреть», – думает Настя. Обычно всегда бывало наоборот: она одна плачет, а вокруг неё все наперебой суетятся.

Из классического репертуара у деда в детстве на первом месте стояла «Мурка», любимая песня уркаганов его двора. Не сказать, чтоб уркаганы, слушая маленького тогда Юру, плакали. Но лица их размягчались, а кто-нибудь так расчувствуется, что пошарит по карманам в поисках конфеты и вынет пятилетнему артисту пару папирос «Беломор».

Но Юра не курил, а пел из любви к искусству.

*...Здравствуй, моя Мурка, здравствуй, дорогая.
Здравствуй, дорогая, и прощай!
Ты зашухарила всю нашу «малину»...*

Здесь дед слегка запинается. Дело в том, что в их дворе заканчивали этот куплет такими словами:

...И теперь, надлюка, получай...

Дед, закончивший к настоящему времени школу, вуз и добровольно получивший дополнительные филологические навыки, теперь знает, что правильно петь «подлюга». Но не это останавливает его.

«Пожалуй, резковато для московской девочки, – решает дедушка. – По крайней мере, для начала».

Немного поразмышляв, перед обнародованием этой строки он заменяет проблемное слово на более мягкое «зараза», мысленно прося прощения у неизвестного автора.

Через пять минут прохожие с умилением наблюдали трогательную картину. Пожилой интеллигентный дедушка и идущая вприпрыжку рядом с ним маленькая девочка самозабвенно пели на всю улицу известную всей стране душещипательную историю.

Правда, Настя понимает не все слова этой красивой песни. Нет, «Мурка» – это понятно, это про кошечку. И с малиной ясно. А остальное она поёт, как слышит, ориентируясь на свой короткий жизненный опыт:

*...Здравствуй, моя Мурка, здравствуй, дорогая.
Здравствуй, дорогая, и прощай!
Ты ЗАСАХАРИЛА всю нашу малину
И теперь, зараза, получай...*

Когда дома они с таким же самозабвением прогорланили эту романтическую историю, то обещанного дедом легендарного эффекта почему-то не получилось. Никто не всплакнул и не вытер слезу. Была даже опасность, что получится, как всегда – плакать будет Настя. Ну и ещё дедушка тоже с ней.

Мама Насти пришла в ужас и поклялась (рука её искала, куда можно торжественно положить, но вместо Библии легла на бутерброд с колбасой, и почему-то дедушкин): «Никогда! Все слышат? Никогда ни я, и никто другой не должен оставлять нашего дедушку без присмотра! Под страхом ап... абструкции... то есть, тьфу, абструкции!»

Дополнительно Насте запретили петь всё, что мурлычет обычно про себя дедушка, даже часто исполняемую семейную колыбельную реликвию на известный мотив: «Спят усталые бабúшки, Насти спят...»

Но слово «зараза» Настя теперь употребляет верно и к месту:

– Юра, на тебе комар, не шевелись! Бац! Вот зараза – улетел!..

Конечно же, стараясь, чтобы её не слышал комитет по цензуре.

Гляди – вырастет-таки человеком.

Настя, дедушка и косички

Как-то дедушка с бабушкой гостили у Насти на их даче под Москвой.

Маме Алёне потребовалось уехать в город, бабушка поехала с ней за компанию, а дедушку уговорили остаться с Настей.

Припасли Насте бутылку молока, дедушке такую же – валерьянки, назвали только пузырьком – и уехали.

Больше всего дедушка боялся, что ребёнок будет плакать. Даже на этот случай свой пузырёк поближе поставил. Никогда в жизни он не оставался с ребёнком четырёх лет наедине. Что с ним надо делать, если ребёнок, например, заплачет? Или захочет есть? Что с собой в этом случае делать, дедушка прекрасно знал, потому что пузырёк валерьянки стоял на виду, на подоконнике.

Но всё равно дедушка волновался так, как волновался бы служитель зоопарка, которому доверили голубого слона в розовую полоску и жёлтыми ушами, единственного в мире.

Но пока, слава богу, Настя и не думала плакать.

– Юра, ты вода.

– А что это?

– Ты водишь. Должен гоняться за мной. Ты волк. А я маленькая девочка.

Это было дедушке знакомо. Он и раньше, бывало, гонялся за девочками, пока не догнал свою бабушку и не женился на ней.

Они вышли из дому на лужайку. На лужайке росла удобная, мягкая трава, которую папа Андрей разрешал топтать волкам, девочкам, слонам и даже Бармалеем.

Громко рыкнув, дедушка вприпрыжку поскакал за девочкой. Девочка завизжала от страха и удовольствия.

Потом было наоборот: Настя была волк, а дедушка – маленький зайчик. Настя рычала, а дедушка визжал.

Как инженер, всё подмечающий вокруг, дедушка заметил, что убегающий всегда визжит громче, чем догоняющий.

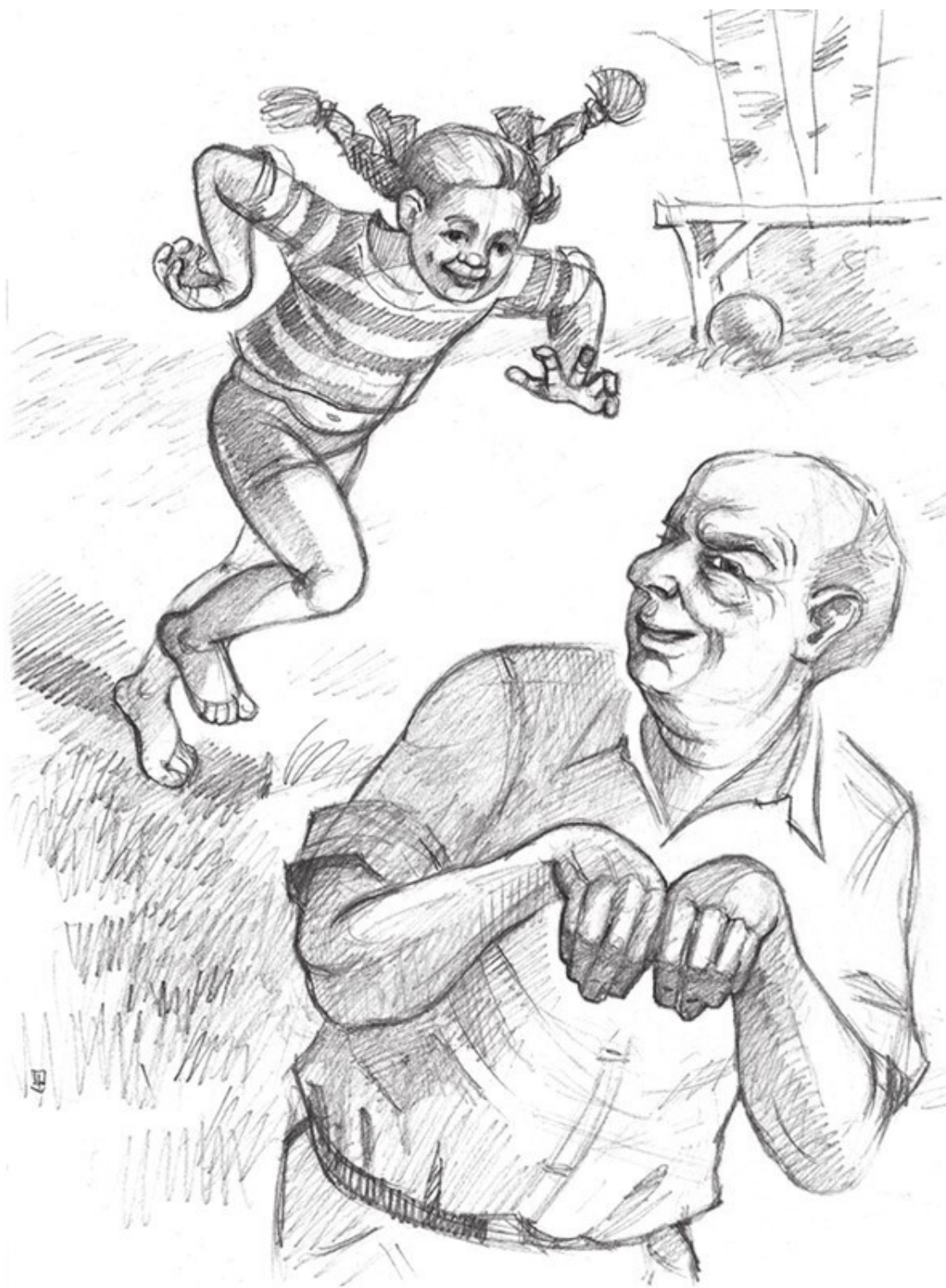
«В природе, видимо, жертва всегда понимает, когда она обречена», – догадался дедушка.

Он тут же стал мысленно сочинять прибор для измерения визга.

«Назову его визгометром, – думал дедушка. – Можно устанавливать его, например, в ЗАГС¹. Ну, а почему бы нет? Жених и невеста при подаче заявления пусть входят в особый кабинет и там по очереди громко визжат. Прибор показывает децибелы. Кто громче – тот жертва. Многие женихи получают неожиданное удивление, когда узнают, что это не они заарканили невесту, а наоборот. Это правильно настроит их на дальнейшее обращение с полученной женой».

– Юра, почему ты остановился? Ты слон, топочи ногами. А я собачка моська!

¹ Запись актов гражданского состояния – орган исполнительной власти, регистрирующий факты рождения, смерти, брака, развода, усыновления. – *Прим. ред.*

«Потом было наоборот: Настя была волк, а дедушка – маленький зайчик. Настя рычала, а дедушка визжал».

Накануне ей читали басню. Из-за возраста Настя пропустила мораль, но картинку запомнила. Они сделали ещё пару кругов по траве.

– Теперь я! Я Бармалей! – угрожающе взвыла Настя. – А ты Айболит! Сейчас тебе – ой, что будет!

Дедушка решил ещё раз перечитать Чуковского, чтобы прикинуть, сколько лет было Айболиту и страдал ли он так же одышкой.

– Нет, я опять слон! – объявил дедушка. Эта маленькая хитрость давала возможность сбавить темп погони.

Настя раскраснелась и взмокла, волосы растрепались.

– Юра, заплети мне косички, я ничего не вижу!

– Ещё чего! Настя, я же никогда не заплетал.

– Ну пожалуйста! Ты посади меня перед зеркалом – и всё получится.

Мучимый сомнениями, дедушка повёл Настю в дом. Они поставили на стол зеркало. Дедушка понюхал пузырёк с валерьянкой, но пока открывать не стал.

– Видишь, как просто! – ободрила Настя. – Я уже готова.

Дедушка попробовал смутно вспомнить: заплетал ли он что-нибудь в жизни, и когда это было. Вспомнил!

В последний раз он заплетал кнут. Дело было в четвёртом классе, семья жила в деревне, где отец был председателем колхоза. Плести длинный кнут из узких сыромятных ремешочков дедушку – тогда маленького Юру – учил колхозный пастух Николай. Собственно, сплести кнут было промежуточным этапом. А конечным – в случае успеха Николай пообещал научить Юру оглушительно щёлкать уже собственным кнутом. Свой, профессиональный инструмент, пастух Николай никому не давал даже в руках подержать.

Маленький дедушка хотел порадовать этим умением живущую неподалёку прекрасную девочку Валю. Она приехала на лето из города к своим родственникам в гости, и дедушка очень хотел с ней познакомиться, но робел подойти. С появлением кнута возникал эффектный повод показаться во всей мужской красе. Предполагалось, что прекрасная девочка Валя несказанно восхитится.

Пастух в деревне всегда был вторым человеком после кузнеца. Дедушка втайне мечтал: когда вырастет, то обязательно станет пастухом. Мама, правда, говорила, чтоб готовился после школы поступать в институт – она скажет, какой. Маленький Юра верил, что в нашей счастливой стране непременно должен быть институт, готовивший людей такой замечательной профессии.

Вечером, когда стадо возвращалось домой, хозяйки, стоя у калиток, высматривали своих коров, заискивали перед пастухом и задабривали его лакомствами. А он шёл, серьёзный и важный, с плеча свисал длиннющий кнут и далеко чертил по дорожной пыли длинную полосу – ровную, как карандаш в тетради, если под линейку.

– А ну, пошла, проклятухая! – взрёвывал Николай на зазевавшуюся тёлку и неуловимым движением оглушительно щёлкал кнутом над её ухом. Тёлка опрометью скрывалась в стаде.

У Николая было несколько возгласов, для разной громкости щелчка. «Лихоманка те в копыта!» – самый слабый, чуть сильнее: «Чтоб ты чертяки подоили!» «А ну пошла, проклятухая!» – из сильных. Были и мощнее, но он их запускал, только отойдя подальше от людей, за околицу.

Несмотря на грозный вид, Николай – и все знали об этом – никогда не бил животных, только пугал. В деревне считалось, что от кнута у коровы молоко может загорчить.

Когда пастух шёл по улице за стадом, хозяйки обменивались впечатлениями:

– Николай-то сегодня каков, красавец! Зинка-то сохнет, а без толку...

Николаю скоро в армию, жениться до армии он не хотел.

Плести кнут оказалось очень непростым делом. На каждом витке Николай подбадривал Юру известными энергичными словами, которые не применялись в семье дедушки никогда. Но Николай считал их весьма полезным педагогическим приёмом, что демонстрировали успехи маленького Юры. Кстати, Юра тогда всерьёз задумался, не выучить ли и ему пару энергичных возгласов. Его беспокоило, что без этих слов у него не получится громко щёлкнуть.

Когда Юра научился щёлкать своим кнутом достаточно громко, то посчитал, что пришло время для знакомства. Он взял кнут, положил его на плечо и стал прохаживаться перед домом прекрасной девочки Вали. Кнут чертил по пыли замысловатые вензеля, но по малолетству дедушка Юра тогда ещё не понимал, что эти вензеля выдают его намерения немножечко эту приезжую девочку Валею погасить.

Прохаживаться пришлось долго, больше часа. Наконец Юра дождался, когда прекрасная девочка Валя показалась в окне. Отчаянными знаками лица и рук он вызвал её на улицу.

Девочка Валя вышла, кутаясь в пёстрый халатик. Глаза на лице её были очень красивы, а перед ушками висели белокурые завитки. Завитки подрагивали, как живые пружинки, а глаза заранее приготовились к доброй улыбке. Юра засмотрелся на них, но потом вспомнил, зачем пришёл.

Таинственным голосом он объявил прекрасной девочке Вале, что сейчас ей что-то покажет. Девочка Валя на минуту перестала дрожать своими пружинками и моргать глазами, в ожидании.

И тогда Юра, как завзятый пастух, вытащил из-за плеча кнут и, зычно рывкнув на всю улицу: «А ну пошла, проклятушая!», громко щёлкнул у девочки над ухом.

Эффект оказался потрясающим, но назвать его восхитительным язык у дедушки Юры и сейчас бы не повернулся.

Прекрасная девочка Валя вдруг широко открыла глаза, пружинки её затрепетали, а сама она заплакала и с возгласом: «Сам ты дурак!» убежала в дом.

Из этой сцены малолетний тогда дедушка сделал ошибочный жизненный вывод, что девочки не любят кнута, и прожил в этом заблуждении вплоть до преклонного возраста.

Вспомнив эту детскую историю, дедушка решил, что при том навыке, а также нажитом за прошедшие годы богатом житейском опыте косички у него вполне могут получиться. Он сделал строгое лицо и приказал Насте сесть неподвижно, только внимательно глядеть в зеркало.

Сначала надо было разделить шевелюру Насти на две половины – левую и правую – а потом каждую из этих половин ещё на три пряди одинаковой величины.

Из «Похождений бравого солдата Швейка», там, где он в поезде, дедушка знал, что у человека должно быть на голове примерно шестьдесят тысяч волос. То есть, на левой половине головы тридцать тысяч и столько же на правой. Если делить на три пряди, то получается в каждой пряди по десять тысяч волос.

«Всего-то!» – изумился дедушка такой простоте задачи. Он только жалел, что пока досчитает до десяти тысяч, приедут мама Алёна с бабушкой, и он не успеет показать своё восхитительное искусство плести кнуты, то есть, тьфу – косички!

«Дедушка приложил к голове линейку и фломастером прямо по голове разделил жирными синими штрихами всю ширину волос левой стороны на три части».

Тогда дедушка позволил себе увеличить погрешность подсчёта волос, а лучше – перейти на другие единицы измерения, миллиметры. Это решение дедушке далось с трудом, так как профессия приучила его к точности. Однако поджимало время. «Попробую, так сказать, набросать сначала примерный эскиз косички, а там как пойдёт».

Дедушка выбрал ближайшую к себе, левую сторону Настиной головы, приложил к ней линейку и, к удивлению и удовольствию владелицы головы, внимательно следящей в зеркале

за манипуляциями дедушки, фломастером прямо по голове разделил жирными синими штрихами всю ширину волос левой стороны на три части. Получилось примерно по пятьдесят миллиметров на одну прядь.

«Как просто! Выходит по двести волос на каждый миллиметр!» – опять порадовался дедушка круглой цифре. Но переносить на голову миллиметровые деления уже не стал. И количество волос в миллиметре решил не пересчитывать, удовлетворившись самими миллиметрами.

Далее дедушка стал делать руками те же заплетательные движения, которые запомнил с четвёртого класса из эпохи увлечения кнутами. Но Настины волосы упрямо не хотели вести себя, как кожаные ремешки. Они путались и терялись. Особенно непослушными были волосы из пряди номер один, ближе ко лбу. Они бегали в гости к другим прядям, прямо как студенты в женское общежитие, задерживались там на пару витков, потом появлялись ниоткуда и недомётно спрашивали дедушку: а теперь нам куда? Дедушка мысленно подбадривал себя энергичными словами пастуха Николая, вспоминал свою молодость, как он тоже лазил когда-то в окна, и приплюсовывал беглецов к ближайшей пряди.

Настя внимательно следила в зеркало за процессом. Периодически она внезапно вскрикивала:

– Ой, Юра! Я маме скажу!

Когда дедушка закончил первую косичку и закрепил резиновым колечком с цветной бабочкой, Настя вдруг сообщила:

– А мама всегда меня сначала расчёсывала...

«Мамочка рóдная! Действительно, сначала надо было расчесать ребёнка!» – посетовал дедушка и несколько раз подбодрил себя, чуть ли не вслух. Затем задумался. Чтобы исправить дело, теперь надо было всё расплести, на что, конечно, у дедушки не было ни сил, ни воли.

Он открыл пузырёк с валерьянкой и энергично понюхал. Ситуация стала яснее. Теперь можно было применить инженерную смекалку. Смекалка подсказывала: «Если ситуация неисправима, прими её как данность и пользуйся ею с восторгом».

– Видишь ли, Настенька, я сделал тебе особо модную причёску, которой меня научила одна девочка ещё в четвёртом классе. Название причёске ты можешь придумать сама. Эта косичка уже готова и изображает хобот. Переходим к хвосту.

Дедушка надеялся, что тот солидный результат, который появится у Насти на голове от его усилий, назовут «Слон». Но Настя почему-то теперь вскрикивала не «ой!», а «ав-ав!». Видимо, думала, что слоны лают.

– Ав-ав, Юра! Я маме скажу!

Вторая косичка далась уже легче, даже Настя влаивала реже раза в два.

Наконец дедушка мог посмотреть, что у него получилось. Они с Настей прильнули к зеркалу, и дедушка увидел дело рук своих.

Ну что сказать? Получилось неплохо. Каждая косичка весьма походила на длинный кнут, только с бабочкой на конце.

Правда, если смотреть на отдельную косичку и не видеть другую.

Дело в том, что дедушке не далась существенная прихотливая особенность женской причёски: косички должны были быть симметричными. На разлинованной синими делениями Настиной голове правая косичка начиналась за ухом, как хвост у собачки, а левая вырастала на лбу и действительно напоминала слоновий хобот.

– Ну как, нравится? – спросил дедушка бодрым голосом продавца, втюхивающего покупателю автомобиль с кривыми колёсами.

– Очень, – сказала Настя и завыла страшным голосом. – Я слон! У-у-у-у-у!.. Сейчас догоню-у-у моську и укушу-у-у!..

Чтобы избежать справедливой расправы, дедушка рванул из домика с небывалой прытью. Настя – за ним. И они опять забегали друг за другом.

Вскоре позвонила мама Алёна и приказала им сходить в магазин за продуктами. Дедушкины туманные возражения, что, мол, они не готовы, только растрожили её. К разговору подключилась даже бабушка со всякими взволнованными вопросами, типа: «Юра, что там у вас случилось, цела ли хоть Настя?»

– Ладно, сейчас ходим, – нехотя согласился дедушка и громко повторил задание, чтоб не записывать, а опереться на Настину память.

Вооружившись пакетами, они пошли. Магазин был недалеко. Настя всю дорогу шла вприпрыжку, временами останавливалась и гляделась в карманное зеркальце, подаренное недавно бабушкой со словами: «Настя, ты уже большая и всегда должна выглядеть красиво, как настоящая женщина». Уж сегодня-то Настя считала себя настоящей.

Наконец они пришли в магазин. Настю знали здесь очень хорошо. Дедушку, гостившего пока всего лишь третий день, – не очень, но поглядывали на него с интересом.

– Кто же тебя так, Настенька, причесал? – еле сдерживая улыбки, встретили их продавщицы.

– Дедушка, – гордо отвечала Настя.

– Ах, какой у тебя дедушка! – заахали наперебой женщины, хитро поглядывая на дедушку и всячески стараясь ему понравиться. – Мы тоже так хотим!

– О, всегда пожалуйста! – приосанился дедушка. Он никогда не отказывал улыбчивым женщинам ни в какой их просьбе, особенно если те выказывали к нему добрые намерения. И дедушка даже приготовился было приняться за дело прямо тут, в магазине, что называется, не отходя от кассы. Но Настя твёрдо сказала:

– Нет, он сначала маму Алёну причешет, потом бабушку, потом меня ещё раз, – и строго поглядела на дедушку взглядом, в котором он с изумлением разглядел те оттенки бабушкиного взора, когда та заставляла его у холодильничка по ночам.

– Да, очередь уже на месяц расписана, – уныло подтвердил дедушка, отметив про себя дипломатические инстинкты Насти: как ловко она напомнила ему, престарелому ловеласу, что у него есть бабушка.

– Жаль, – вздохнули все продавщицы хором.

– Как же твоя прическа называется, а? – поинтересовались они у Насти.

– «Слон и моська» – гордо сказала Настя, после чего уже ни одна из женщин не смогла удержаться от хохота.

Но тут Настя невозмутимо стала перечислять по памяти, как велела мама Алёна:

– Нам белого молока «Бежин луг», творогу нежирного «Бежин луг» и пачку масла.

Продавщицы вспомнили, что они на службе, и принялись за дело. А дедушка добавил к списку:

– И пачку молочного коктейля, тоже «Бежин луг».

И вытащил толстый бумажник.

Если бы у него сейчас спросили, зачем он балует ребенка её любимым, но запретным лакомством, дедушка ответил бы, что с сегодняшнего дня он принял решение готовить Настю к дипломатическому поприщу.

Настя и большая политика

Дедушка и Настя (пять лет с небольшим) шагают из магазина домой. Недавно прошёл быстрый летний дождь, но Настя хорошо обута, в сапожки. А вот дедушка едва успевает за Настей, так как ему в его босоножках ещё надо отыскивать сухие кочки на мокрой дороге.

Заказы бабушки и мамы с честью выполнены: оба нагружены, каждый своей ношей. Дедушка – огромным пакетом, Настя – пакетом с булкой.

Оба поют разученную недавно песню, легендарную «Мурку». Окрылённые духовной близостью хорового пения любимой песни, дедушка и Настя ощущают себя членами некоей подпольной партии имени Мурки, ибо семейный комитет по цензуре запретил всем живущим в доме петь любимые дедушкины песни.

На середине песни дедушка вспоминает, что на нём лежит ответственная задача воспитать из Насти правильного человека. В этот раз он решает восполнить Настины пробелы в политике.

Конечно, как и любой московский ребенок, Настя и так изрядная дока в большой политике: узнаёт на фото Кремль и Мавзолей. Но путает Гагарина с Путиным.

Дедушка принимается за дело сразу, как только заканчивается песня.

– Настя, Гагарин – это первый человек, который полетел в космос.

– А, знаю, он сказал: «Поехали!»

– Совершенно верно. И все потом за ним поехали.

– А Путин что сказал?

– Он сказал: «Пошли!»

– И все потом пошли?

– Конечно.

– И папа, и мама, да?

– Ну да, конечно. Все.

– И ты?

– И я.

– И я?

– И ты.

– А куда?

– Кто куда... Но как-то так получается, что все – за ним.

Дедушка остаётся доволен, как тонко он последней фразой подвёл разговор к патриотической нотке. Его друг Никандыр наверняка оценил бы и, может быть, даже похвалил. «Почти сентенция», – сказал бы. Дедушка верит, что и задумавшаяся Настя скажет сейчас примерно то же. Ну, может, не про сентенцию...

– Ю'а, а ты заметил, что если идти по лужам, то по ним мо'шинки?

Дедушка спотыкается на ровном месте.

– Когда-то замечал, Настенька, но забыл. Теперь вот ты мне опять напомнила.

Ненадолго они останавливаются и любуются разнообразными морщинками от Настиных сапог. Наконец, Насте надоедают лужи. Она уточняет у дедушки:

– Мы идём домой?

– Конечно, домой. Из магазина.

– А Путин?

– Путин уже дома. У него обеденный перерыв.

– У'а! Мы тоже сейчас п'идём домой, и мама даст мне мою булку.

– Конечно, даст, Настенька. Если мы с тобой не уроним её в лужу. И молока.

– Ю'а, а у меня есть к'асивая чашка. С белочкой. Мама туда наливает молоко, чай и компот.

В связи с тем, что разговор о политике незаметно свернул к чашке с компотом, дедушка позволяет себе немного поразмышлять о бутылочке с пивом, которая ждёт его в холодильнике. Но потом вспоминает о своей педагогической задаче и возвращается к теме большой политики, попутно и исподволь направляя разговор в патриотическое русло.

– И булку даст, и молока нальёт. И мы, Настя, идём сейчас с тобой домой. Каждый человек, Настя, идёт своей дорогой, но эти дороги удивительным образом совпадают с теми, которые предлагает Путин.

– Он знает, куда нам идти из магазина?

– Из магазина-то, Настя, все знают, куда. Некоторые от магазина и вовсе далеко не отходят. А вот потом куда? Из дома куда человеку идти?

– Путин знает?

– Точно не знает. Никто не знает, даже Путин. Но Путин чувствует.

– Как это?

– Ну, вот ты, например, видишь нашу дачу?

– Нет.

– А скажи, что будет за тем углом? Ты же чувствуешь, что там будет, когда мы за него завернём?

– Наши во'ота.

– Вот! Так и Путин чувствует, где наши ворота.

Настя некоторое время думает. Жарко и душно. В воздухе парит и, кажется, обещается ещё один дождь. Пакет с булкой, который Настя перекинула через плечо, бьёт её по спине.

– Ю'а, а ты хочешь п'ойтись вто'ым этажом?

«Вторым этажом» – это когда Настя сидит на плечах у дедушки. Знает, хитрая, что дедушке нравится носить её на шее. Но сегодня не тот случай.

– Нет, Настя, ты видишь – у меня руки сейчас заняты.

Настя вздыхает.

– А Путин ходит «вто'ым этажом»?

– Конечно. Вся страна у него на плечах.

– А я когда?

– Твоя очередь ещё не скоро.

– У-у... Хочу ехать.

– Вырастешь, научишься на машине рулить, ещё и сама не захочешь ни на чьих плечах ездить.

– Я уже все кнопки знаю. Ехать легко...

– Ну не скажи, Настя, не скажи. Гагарин, когда приехал из космоса, тоже весь мокрый был.

– А Путин ездил в космос?

– Ещё нет. Под водой был, в воздухе летал... Везде был, а в космосе – нет.

– А почему?

– Не знаю, Настя. Не додумался, наверно.

– Я ему сегодня скажу.

– По «телефону»?

«Телефоном» в доме зовут красивую морскую ракушку. Недавно Настя хотела дать дедушке послушать в ракушке шум моря. Дедушка послушал, но сказал, что ничего не слышит. Настя и сама слушала, слушала, потом недовольно сказала: «У них сегодня что-то со связью». Так и осталось – «телефон».

– Нет, ночью. Я, когда спать ложусь, могу ‘азговаривать с кем хочу. Когда ты, Ю’а, уезжал, я с тобой ‘азговаривала.

– Понятно. Только не говори ему, пожалуйста, что мы с тобой песни поём. А то он нас попросит спеть, а мама опять ругаться будет. Ещё и Путину достанется ни за что.

– Я ему только п’о космос скажу.

Наутро, за завтраком Настя, ковыряясь ложкой в каше, перво-наперво выуживает из неё три клубнички, положенные бабушкой для украшения. При этом Настя неотрывно смотрит в телевизор, где идут новости. Бабушка порывается выключить постылый ящик, но её останавливают бурные протесты Насти, поддержанные воодушевлённым дедушкой. Дедушка воодушевлён телепередачей, так как собирается давать очередные политические пояснения к ней. Но бабушка считает, что больше он воодушевлён видом бутылочки пивка на столе, которую только что принёс из холодильника, она даже не успела ещё запотеть:

– Оставь телевизор ребёнку, пусть приобщается. А то до сих пор путается, кто где. Да и сама подтянись. Вот скажи мне, например, как зовут китайского президента?

– Мне надо, чтоб ребёнок приобщался к каше, а не к китайскому президенту, – увиливает от ответа бабушка, но временно отступает. Чтобы отступление не выглядело поражением, бабушка решительно возвращает уже запотевшее пиво в холодильник. Дедушка направляет бабушке ноту протеста, но слова в ноте вялые, потому что ещё утро, и дедушка сам понимает, что впереди много дел. Надо успеть распутать удочки, вынести мусор, позагорать, пока нет дождя... Отпуск – трудная, насыщенная неотложными делами пора.

После усмирения бунта бабушка считает возможным пойти в наступление:

– Ешьте кашу, кому сказала!..

Настя послушно шевелит ложкой в тарелке, сделаны даже две попытки поднести ложку ко рту. Однако клубнички в каше уже закончились, и резонно ли продолжать завтрак в таких невыносимых условиях, Настя сомневается.

Но тут в телевизоре начинают съезжаться на саммит политики. Настя заинтересованно уточняет:

– Ю’а, это Путин?

– Да, Настя, ты молодец. Это Путин.

Тут дедушка вспоминает вчерашний успех своей политинформации и, продолжая гнуть патриотическую линию, спрашивает у Насти, состоялся ли у неё ночной разговор с российским лидером, и когда тот собирается в космос.

– Ю’а, он не хочет в космос.

– Почему?

– Он сказал, там скучно. Там п’иедешь – а никого нет. Одни звёзды. Мама спит, бабушка спит, Ю’а спит...

– И поздороваться не с кем, – добавляет бабушка, вмешиваясь в политический диалог деда с внучкой. Реплика явно навеяна картинкой в телевизоре, где мировые лидеры пожимают друг другу руки.

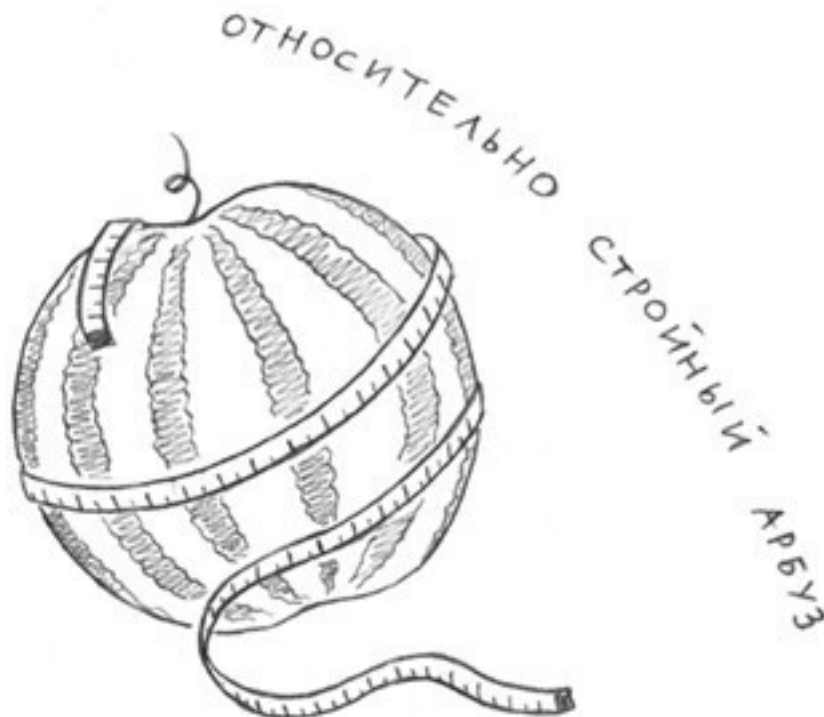
– И поздо’оваться, – соглашается Настя.

Дедушка доволен. Наконец-то он в своей тарелке. Дела с политико-патриотическим воспитанием в семье продвигаются семимильными шагами. Даже бабушка вон приобщилась... «Надо уделить внимание Китаю», – ставит он себе задачу на будущее и принимается за свою кашу. Украшающие его порцию три клубнички он дарит своим перспективным ученицам: делающей успехи Насте – две штуки и бабушке – одну, для поощрения.

На экране телевизора в это время мировые лидеры улыбаются для фотографирования. У всех радостные лица, будто только вчера вернулись из космоса и сильно соскучились по человечеству.

Больша-ая политика, доступная и понятная только русскому ребёнку пяти с лишним лет.

Большое Пуздо и маленькая Лопузень

На десерт подали арбуз. Его привёз вчера на дачу дедушка. Оторваться было невозможно. Первой остановилась бабушка, потом мама Алёна. А шестилетняя Настя с дедушкой Юрой остановиться никак не могли.

Наконец Настя сказала, что у дедушки от этого арбуза уже слишком большой живот, как у слона.

– Скорее, как у гамадрила, – поправила бабушка. – Я видела в зоопарке, как они чешут свои животы. Ну, точно арбузы.

– Чем завидовать нашим изящным, пусть и гамадрильим, пузичкам, оборотились бы лучше на свои, – ответил дедушка, имея в виду всех, а особенным взглядом показывая на Настю.

Настя оставила лакомство, подняла свою майку, стала к зеркалу боком и принялась разглядывать своё пузико. Вскоре к ней присоединился дедушка. Он прислонился своим животом к Настиному и попытался молодецкато его втянуть. Из простого арбуза живот дедушки превратился в арбуз сморщенный.

– Что вы там высматриваете, когда есть инструментальные методы сравнения, – сказала бабушка и полезла в свою дамскую сумочку. В инженерной молодости она работала на заводе метрологом и знала, что всё на свете можно точно измерить. Кроме, конечно, женского настроения.

Дедушка всегда утверждал, что всякая дамская сумочка может вместить в себя весь мусор небольшой планеты. Американские астронавты, летавшие на Луну, как-то одолжили у своих жён их сумочки и из очередного рейса привезли горы лунной пыли, обозвав их образцами. Фасоны сумочек тотчас засекретили, а сейчас и вовсе потеряли. Образцы тоже.

Бабушка слегка порылась в своей любимой – кожаной и круглой – и вытащила из неё портновский сантиметр.

– И для чего у нас с собой этот сантиметр, – поинтересовался дедушка. – Никак ты меряешь свой животик каждый день? И в дороге, и дома, и в стужу, и в зной?

– Да нет, это я тебя меряю, когда ты спишь. И расстраиваюсь, какой ты толстый. А свой размер я знаю и держу его уже пятьдесят лет. – И бабушка назвала цифру, услышав которую дедушка тут же застеснялся и хотел увильнуть от измерений. Но бдительная комиссия его пристыдила.

Померили сантиметром талии Насти и дедушки. Разница была в два раза.

– То-то же, – назидательно произнесла Настя и нажала дедушке на нос.

– Я не согласен! – запротестовал дедушка. – Я высокий и имею право носить живот любого размера.

И в знак протеста он съел ещё одну дольку арбуза.

– Действительно, надо мерять не животы, а сравнивать стройности фигур. На мой взгляд, наш дедушка ещё достаточно строен, – заступилась за дедушку мама Алёна, тоже с инженерным образованием.

– Ха! Вот-вот! Будь я пузатым гамадрилом, у меня был бы хвост. И я легко ускакал бы от вас по скалам и деревьям, – обрадовался дедушка неожиданному заступничеству с женской стороны.

– А вот будь хвост у меня, я бы пользовалась им как кнутом. Например, отправила тебя на кухню мыть посуду. – Пообещала бабушка. Но мама Алёна сказала, что сегодня её очередь.

– Гамадрилы совсем не моют посуду, я видела в зоопарке, – сказала Настя.

– Ты точно уверена? – спросил дедушка. – Тогда я записываюсь в гамадрилы на среду.

– В среду его очередь дежурить по кухне, – догадалась бабушка. – Запишите его в гамадрилы, пусть попрыгает.

– Надо померить им рост, потом талию разделить на рост – и получим параметр, который можно будет назвать стройностью. *Относительной*, конечно, – вернулась к главной теме мама Алёна.

– *Относительной*, говорите? Тогда меряйте побыстрее, потому что нам с Настей сейчас срочно надо будет *относить* свои животы туда, куда все спешат после арбуза.

– Ой, я побежала! – воскликнула Настя и скрылась за дверцей. Дедушка принялся ей мешать: скрестись в дверь, кряхтеть и угрожающе шаркать ногами, изображая дачное привидение. Впрочем, этими действиями он просто назидательно отвечал на вчерашние нападки неизвестного привидения, которое так же донимало его ночью при аналогичной процедуре.

Сегодня с привидениями всё разрешилось благополучно, и вскоре все снова собрались в гостиной у стола. Мама Алёна обнародовала свои инженерные расчёты. Оказалось, что так называемая *стройность* на сегодняшний день одинакова и у дедушки, и у Насти. Так что ничья, пожмите друг другу руки.

На радостях дедушка съел ещё одну дольку арбуза, а вот Настя не смогла. Сказала, что уже смотреть на арбузы не может, и вообще. И почему-то надула губки.

А дедушка очень воодушевился тем, что он строен, как шестилетняя девочка, и теперь ему не надо отращивать хвост, чтобы доказывать по деревьям свою стройность. Поэтому с лёгким сердцем он отправился полежать на любимом диванчике.

Через недолгое время к нему пришла Настя и привалилась под бочок.

– Ничего не понимаю, Юра, – грустно сказала Настя. – Я что – тоже пузатый гамадрил? Только маленький?

– Не переживай.

– Но это же неправильно! Нет у меня никакого пуза!

– Конечно! Нет, и не скоро будет. И вообще, тебе рано беспокоиться. Когда подрастёшь, я подарю тебе такой же сантиметр, как у бабушки. И если есть поменьше пирожных и шоколадок, то при наличии хвоста ты всегда сможешь убежать от кого-нибудь противного по деревьям.

– А от приятного я не буду убегать.

– Конечно! Я вот бабушку в своё время догнал. Правда, я тогда стройный был, знаешь, какой приятный! Она даже замуж тогда за меня вышла. По любви, между прочим. – Тут дедушка помолчал немного и вздохнул. – Любая девочка, когда вырастает, её догоняет какой-нибудь другой гамадрил. Даже пузатый...

– Фу их, пузатых! Я только тебя люблю, – сказала Настя и прижалась поближе. – Расскажи что-нибудь, Юра. Я так люблю, когда ты рассказываешь.

– Давай лучше вместе сочинять.

– А про что сегодня?

– Ну, как обычно. Жили-были...

– Дед да баба?

– Нет, Настя, давай что-нибудь задушевное. Например... В жаркой-прежаркой Африке на большом-пребольшом раскидистом дереве жили-прежили два закадычных хвостатых друга – Большое Пуздро и Маленькая Лопузень...

Настя вскинулась и испытующе посмотрела деду в лицо. Видимо, она что-то нашла там, в его смеющихся глазах. Потому что решительно сказала:

– Нет уж, Юра, давай лучше только про Пуздро...

Настя, дедушка и этикет

Дедушка, бабушка и Настя с родителями живут в доме отдыха за городом. Дом отдыха называется «Бодрая Маркиза» и построен в виде старинного сказочного замка, однако номера в нём самые современные.

Сосны, солнце...

Обедать все ходят в ресторан дома отдыха.

Сегодня дедушка с Настей спустились со своего этажа на предвечерний чай. Дедушка называет его «файв-о-клок». В зале тишина. «Файв-о-клок» как-то не пользуется у отдыхающих успехом, не те у них привычки. Их гастрономические вкусы проявляются бурно по вечерам, а сейчас в зале никого. Только официант Алексей, известный своей невозмутимостью, скрадывающей его феноменальный слух, известный всем отдыхающим. Он стоит за стойкой бара и неторопливо протирает какие-то бокалы.

Дедушка и Настя выбирают столик интуитивно подальше от Алексея, от его слуха, в противоположном углу зала. За столом они занимают места друг против друга.

– Юра, а почему вилка лежит слева, а ножик справа? – спрашивает Настя дедушку.

– Так положено по этикету, Настя.

– А что такое этикет?

– Этикет – это список правил, по которым живут люди, чтобы всем вокруг было удобно.

Там всё – как сервировать стол, как держать вилку, чтобы не уколоть соседа, какие должны быть вообще манеры, чтобы выглядеть прилично в глазах остальных людей.

– Мы прилично выйдем?

– Надеюсь, да. Но тут имеет значение, что о нас думают окружающие.

– А спроси, Юра, у Алексея.

– Прилично, – отзывается издали Алексей.

– Алексей, как видишь, считает, что для его ресторана прилично. Впрочем, тут, в «Бодрой Маркизе», нестрогий этикет: видишь – мы даже в тапочках. А вот если б тебя позвали куда-нибудь во дворец – например, к царю...

– У царя строгий?

– Ого-го!

– А у какого царя строже? У заморского или нашего?

– Конечно, у заморского. Самые строгие правила – на пиру у английской королевы. О-о! Там вместо наших вилки и ножики перед тобой лежала бы ещё куча всяких вилок, ложечек, ножичков и ковырялок. И всеми надо уметь пользоваться. Котлету только вилкой и ножом, ложка – для каши, ковырялка...

– Для носа?

– Нет, ковырялкой ковыряют рыбу. Вот такой, например. – Дедушка достаёт из кармана, где у него всякая всячина, какую-то железку.

– Твоя железка ржавая. А рыбу я терпеть не могу!

– А придётся терпеть. На обеде у английской королевы неприлично выплёвывать рыбу на скатерть.

– А куда выплёвывать? Себе на юбку?

– Вообще никуда. Давись, но глотай. Даже если это рыба. Даже если яд.

– Как – яд? У королевы? Можно же отравиться!

– Ну да! Так и бывало в стародавние времена. И травили. Как бы казнь. Допустим, какой-то герцог проштрафился...

– Как это – проштрафился?

– Ну, провинился. Например, написал в письме вместо «Ваше величество» – «ваше виличество», да ещё с маленькой буквы. Пригласят его тогда на праздничный пир, дадут бокал с вином или чашку с чаем, а там отравы. И выплюнуть нельзя.

– А почему?

– Ну, во-первых, запачкаешь дорогую дворцовую скатерть. Все королевы скуповаты, а уж английская – хуже твоей бабушки: дрожит над каждой тряпочкой. Ну и, конечно, главное – этикет.

– А если всё-таки выплюнуть?

– Потеряешь своё лицо.

Что такое потерять лицо, Настя уже знает: это когда с тобой никто не здоровается.

– А дальше что? Расскажи дальше, Юра.

– Сначала герцоги и маркизы с непривычки мёрли, как мухи. А потом призадумались: а чего это мы как сходим к королеве на пир, так умираем? И догадались, что им за столом яд подсовывают.

– Жидкий? Или порошок?

– Всякий. У англичан всякой всячины полно, они самые богатые на земле. Ну вот, стали герцоги и бароны тогда себе под язык таблетки с противоядием класть. Попьют чайку, чувствуют – что-то не то. Наверно, подсыпали! И тогда незаметно, с последним глотком таблетку проглатывают.

Заслушавшись, Настя тоже делает глотательное движение. Дедушка, глядя на неё, почему-то тоже.

– Помогало?

– Конечно! И лицо на месте, сохранили в целости, и сами не умерли, и скатерть цела. Правда, потом королева видит – яд не действует. И давай им по-простому головы рубить. Тут, конечно, одной таблеткой не спасёшься. Но там уже другой этикет...

– Как интересно!

– Что же тут интересного? Мне что-то неинтересно.

– А у нас есть герцоги или маркизы?

– Алексей, у нас есть маркизы? – спрашивает дедушка у стойки бара.

Над стойкой появляется вездесущий Алексей.

– Перед тем, как отвечать на подобный вопрос, нам, официантам, вменяется ознакомить вас с местной легендой.

Далее Алексей переходит на тот тон, каким рассказывают одну и ту же историю в тысячный раз:

– Жила-была Бодрая Маркиза. Каждый день она провожала на охоту своего Бодрого Маркиза. Странная охота была у маркиза. Приедет – конь даже не запотевший, а сам маркиз взмыленный. «Уж не ты ли сам лично гонялся за этим зайцем?» – спрашивала его Бодрая Маркиза. Но тот лишь отнекивался. Как-то однажды Бодрый Маркиз забыл дома охотничьи сапоги. – Алексей в этом месте зевнул. – Да не очень-то они ему были и нужны.

– Почему? – удивляется Настя.

– Да он как заворачивал за угол их фамильного парка, так там ждала уже его соседка – молодая баронесса, ещё более бодрая.

– А баронесса в сапогах? – Насте интересны подробности.

– Легенда умалчивает, – смущается Алексей. – Думаю, без сапог. Как пастушка.

– А зачем Маркизу баронесса без сапог?

– Как вам сказать... – замешкался Алексей. Но дедушка приходит ему на помощь.

– С баронессой Бодрый Маркиз чувствовал себя гораздо бодрее, Настенька. Пусть Алексей дальше рассказывает, не перебивай, пожалуйста.

Увлекательная легенда продолжилась:

– И вот, значит, забыл маркиз дома сапоги и поехал на коне в одних носках. Я уже сказал, ему тут недалеко было, буквально за угол. А Бодрая Маркиза подумала: как же он там без сапог? Вдруг болото... Или лошадь понесёт, а шпоры дома... Как быть? И тогда велит Бодрая Маркиза запрячь в карету лучшего коня, берёт мужнины любимые ботфорты, кладёт их в самый любимый саквояж и мчится в лес искать любимого мужа. Заворачивает за угол и вдруг видит... – Алексей зевнул и стал чесать затылок.

– Что он видит? Алексей, ну что же вы? – Настя дёргает ногой.

Покончив с затылком, Алексей говорит:

– Вы, дедушка, ребёнку сами сможете досказать? Вам это легко, а я не привык детям. Дальше у меня три версии: для пьяных, для очень пьяных и пьяных в хлам. И все, знаете ли, восемнадцать плюс. А то, может, и старше. Даже я сам каждый раз, когда рассказываю и если дамы за столом, иногда стесняюсь...

Дедушка сам был бы очень рад услышать такие интересные версии легенды, все три, уже и уши развесил. Но как обладатель замечательной внучки, и вынужденный поэтому прибегать время от времени к педагогическим условностям и эвфемизмам, понимает необходимость адаптировать такую интересную легенду к дошкольному возрасту.

– А я знаю, что дальше, – вдруг сказала Настя. – Там за углом Маркиз гулял по полю с пастушкой, а на самом деле то была переодетая баронесса.

За столом возникла звенящая тишина.

– Откуда ты знаешь, девочка, нашу легенду?

– Нам в садике Арсений говорил, что сам видел, как его папа гуляет с незнакомой женщиной по парку, а она в сарафане таком красивом и фартуке... Мама Арсения его папу зовёт гулящим...

Дедушка закашлялся.

– Вот именно, – обрадовался удачному окончанию легенды официант Алексей. – Правильно! С пастушкой! Он в одних носках, а на ней даже ни носков, ни фартука, ни сара...

– Фартук нужен, чтобы об коров не пачкаться, – со знанием дела сказала Настя.

– Я, наоборот, на месте коров поостерегся бы об такую пастушку замараться, – заявил дедушка с преувеличенной строгостью, и официант одобрительно прикрыл глаза и даже развёл руки, мол: да, встречаются ещё в нашей жизни такие отрицательные явления, как нечистоплотные пастушки. Но, слава Богу, это не в нашем пансионате.

– Ваша внучка много знает, – похвалил он Настю. – Но я, извините, должен закончить легенду. Таким образом, в соответствии с легендой в меню нашей кухни появилось фирменное пирожное «Ботфорты Маркиза». Чтобы гулящие... гуляющие по паркам маркизы вовремя вспоминали, что они забыли дома, а гуля... гуляющие дамы, наоборот, помнили бы, что дома их ждут нечищенные сапоги мужа. Заказывать пирожные будете?

– Конечно, – захлопала в ладони Настя. – Четыре штуки.

– Но нас пятеро будет, – возразил дедушка.

– Папа ушёл на рыбалку.

– В сапогах? – спросил официант Алексей.

– В болотных, – подтвердила Настя.

– Значит, рыба будет, – пообещал Алексей и скрылся на кухне.

– Ой, эта рыба... Юра! Я очень, очень-очень хочу попасть во дворец английской королевы на пир. Я бы и рыбу потерпела, не выплёвывала. Лишь бы посмотреть.

– На что посмотреть?

– Ну, как герцогов и маркизов травят.

– Вот выучишь все правила поведения, тогда поезжай. Но я лично сомневаюсь, что из нашей страны, даже из нашего дома отдыха с его красивыми старинными легендами, кого-нибудь туда пустят. Разве что нашего официанта Алексея, он специально учился.

– Меня тоже не пустят, – отзывается из своего угла проявившийся официант Алексей. – Меня жена не пустит. Одного.

– А нас почему не пустят, Юра?

– Ну разве что очень попросим. Понимаешь, Настя, люди, которые живут в английском дворце, привыкли, что весь мир вокруг них на цыпочках ходит – бесшумно и вкрадчиво. А мы, русские, они считают, привыкли сапогами топтать. Да, честно говоря, у нас и вправду вкрадчивый шаг как-то не в характере. Не даётся нам он никак.

– Но мы же с тобой сейчас в тапочках, а не в сапогах!

– Нам с тобой Алексей по доброте душевной позволяет, да и то только днём. Правда, Алексей?

– Конечно, днём – хоть босиком, – подтверждает из своего угла официант Алексей.

– Мама говорит, что босиком в гостях только дикари ходят. Мы же не дикари, да, Юра?

– Безусловно, Настенька. Мы в носках.

– В носках тихо получается. В носках я могу и во дворец.

– Да, в носках тише выходит. Если не дырявые.

– У меня не дырявые.

– А мама Алёна вчера жаловалась, что на тебе всё горит.

– Не веришь? Смотри. – Настя поднимает правую ногу в носке над столом и водружает её на скатерть.

– Настя, убери сейчас же эту... прелесть, – слово «прелесть» дедушка произносит как «гадость», и Настя прекрасно это ощущает. – Хорошо, что Алексей сюда не смотрит.

– Юра, это не прелесть. Это моя нога. Она чешется. – Настя стаскивает с ноги красный носок. – Посмотри, что там у меня. Наверно, клещ!

Нога у Насти маленькая, с розовой подошвой. Дедушке она нравится. У него, наверно, тоже такая была лет шестьдесят назад. Но вслух дедушка говорит строго и назидательно:

– Настя, ну откуда в ресторане клещ? Убери, пожалуйста, немедленно свою ногу. Это не по этикету...

– Ты же говорил, что этикет для удобства! Мне как раз так удобно! – возражает Настя. Она в том возрасте, когда ищут своё место в обществе.

В своей педагогической деятельности, обрушиваемой им на головы подчинённых сотрудников, дедушка всегда опирался, прежде всего, на опыт народа, заключённый в пословицах и

поговорках. Сейчас он лихорадочно вспоминал все поговорки, что приходили ему в голову. «Взялся за гуж – не говори, что не дюж»... Не подходит. А вот эта: «Кончил дело – гуляй смело»... Это потом. Вот ещё: «Лиха беда – начало»... Тьфу-тьфу, к чему бы это! «Не говори гоп, пока не перепрыгнешь»... Прыгают... значит, что-то про ноги... Близо, но не подходит. «Клин клином вышибают» ... Есть!

Дедушка воровато оглядывается по сторонам – никого!

И вот, на глазах изумлённой Насти, издавая громкий скрип коленкой, над столом вырастает дедушкина нога в чёрном носке. Как крот из земли – в мультике.

Дедушка говорит «Уф-ф!» и с облегчением располагает ногу рядом с ножом и салфеткой. Введённый в заблуждение своим легендарным слухом – откуда скрип? – официант Алексей с недоумением пробует на скрип дверцу буфета.

– Как мы назовём твою ногу, Юра? – Настя думает, что сейчас они будут играть в кукольный театр. – Чур, это будет Призрак Ночи! А я – Супергерой!

Дедушка хочет что-то ответить, но тема дальше не развивается: перед их столом появляется вездесущий Алексей. Он возникает как обычно – внезапно, будто чёртик из табакерки, и бесшумно, как их учили в школе официантов, в строгом соответствии с этикетом.

Лысина дедушки вмиг становится багровой. Он пытается сдёрнуть ногу туда, где ей положено быть. Но с ужасом чувствует, что его скрипучую коленку не вовремя заклинило...

Новая, обогащённая необычными приборами сервировка стола, которую официант Алексей видит перед собой, в школе официантов не изучалась. У него чуть не вырывается народное: «Посади её за стол – она и ноги на стол», но профессионализм побеждает.

«И вот, на глазах изумленной Насти, издавая громкий скрип коленкой, над столом вырастает дедушкина нога в чёрном носке».

Чуть дрогнув уголком рта, что принесло невыносимые страдания внимательному дедушке, официант Алексей обращается к более общему правилу ресторанного этикета: «Клиент всегда прав».

Настя с интересом смотрит на официанта.

– Как называется наша пьеса? – спрашивает она у Алексея. Тот, не задумываясь, отвечает:

– «Бодрая Лодыжка». Чай вам чёрный или зелёный?

– Мне зелёный! – заказывает Настя. В связи с тем, что у бабушки заклинило ещё и язык, Настя заказывает и бабушке такой же. Бабушка согласно трясёт головой и мычит что-то невразумительное.

– Ложечки к чаю подавать или пальцем помешивать будете? – уточняет официант чисто из вежливости, исходя из того же правила «клиент всегда прав».

– Пальцем! – весело соглашается Настя и нетерпеливо шевелит большим пальцем ноги. У бабушки палец дёргается сам. Удостоверившись в готовности пальцев, официант Алексей удаляется.

Появляются бабушка с мамой Алёной.

«Странные существа эти женщины! – грустно думает бабушка, силясь что-то сделать со своей ногой. – Все в противоречиях! Вечно опаздывают, но появляются всегда строго не вовремя и точно некстати!»

– Что это наши безобразники тут удумали! – удивляется мама Алёна, хотя годы материнства и дочеринства приучили её не удивляться уже ничему.

– Я, кажется, догадываюсь, кто первый начал, – говорит бабушка, со значением всматриваясь бабушке в глаза.

– Это не я, – торопливо, с кашлем, оправдывается бабушка, стараясь сохранить своё лицо. При виде бабушки к нему вернулся дар речи. – Я наоборот, рассказывал ребёнку про этикет.

– А это наглядные пособия? – показывает на ноги мама Алёна.

– Очень выразительно, – хвалит бабушку бабушка.

– Чем иронизировать, лучше помогла бы снять ногу.

– Ну уж нет, посиди так. Ты мне такой больше нравишься – гибкий и ловкий, – говорит бабушка и занимает своё место рядом со скрюченным бабушкой. Мама Алёна садится рядом с дочкой.

– Убери-ка свою ногу, – приказывает мама Алёна и пытается смахнуть Настину ножку со стола.

– Это не нога! Это Супергерой Бодрая Лодыжка! Сейчас она начнёт летать по ресторану и охотиться за Призраком Ночи!

– Ой, а я и не знала! – восклицает радостно бабушка, обращаясь к бабушке. – У нас живет ещё Призрак Ночи? Надеюсь, Призрак Бурной Ночи?

– Кажется, я сейчас буду летать по ресторану, а кое-кто будет по-простому улепёгивать на своих ногах, – сердится бабушка. – Да снимите же мне эту чёртову ногу!

Бабушка с мамой Алёной бережно, наконец, освобождают бабушку. Скрип бабушкиного колена заставляет официанта Алексея ещё раз проверить дверцу буфета.

– Спасибо тебе, родная. Когда ты всё успеваешь?.. И дом, и Настя... А тут ещё и нога – всё на твоих плечах... У тебя так ловко всё получается... – льстиво говорит бабушка и нежно бабушку целует.

– Положим, нога уже не на плечах, – смеётся бабушка. Но и у тебя тоже всё ловко. Я вон так свою ногу не сложила бы...

– Всё, Настя, пьеса закончилась. Зрители нас освистали. Убирай и ты Супергероя Лодыжку.

Но Настя упрямится. Может, детям действительно так удобно?

– Расскажи лучше, что же ты узнала от бабушки про этикет, – спрашивает мама Алёна.

– Всё, – лицо у Насти становится скучным, как в садике, когда просят рассказать стихотворение.

– Что всё-таки – всё?

– Ну, там маркизов травят, баронов, а у них таблетки...

– Где это? – по лицу мамы Алёны видно, что до этого у неё были какие-то другие представления об этикете.

– У королевы, – поясняет Настя, удивляясь, что мама не знает таких простых вещей.

– У английской, – подтверждает дедушка. Мама Алёна испытующе смотрит то на Настю, то на дедушку.

– Ладно. Хорошо. Значит, травят... А они...

– Травятся, – подсказывает появившийся снова официант. Он гладко вливается в беседу, разливая между делом чай по чашкам.

– Травятся! – подтверждает радостно Настя.

Чай звонко журчит. Сегодня он необычного цвета, с синевой.

– Мы тут как раз говорили об английском рецепте заварки под названием «королевский»... – начинает свой рассказ дедушка повествовательным тоном, но его останавливает официант Алексей:

– Простите, пожалуйста, мне велено сделать объявление. По случаю примирения нашей хозяйки Бодрой Маркизы со своим Маркизом сегодня у нас праздничная заварка: настоящий английский чай от самой королевы.

На этих словах у дедушки вдруг выпучиваются глаза. Закашлявшись, он судорожным движением отодвигает от себя подальше чашку с опасным напитком. Но тут восклицает Настя:

– Ура, у нас английский чай! Мама, чур, ты у нас королева и сейчас будешь раздавать нам яд!

– Что за чушь? Чему ты успел научить моего ребёнка за те пять минут, что мы задержались?

– Не за пять... Кхм... кх... А за полчаса, – прокашлялся, наконец, дедушка.

– Да, пусть расскажет, что это они тут. И ноги... Почему у них ноги на столе? – дополняет маму Алёну бабушка.

– Что значит, у них? Я свою убрал.

– Ноги – это так они сидят при королеве, в знак уважения, – предполагает королева-мать Алёна. – У них же этикет...

– Вот видите! Выходит, дедушка, ты не уважаешь нашу королеву! Тащи свою ногу назад, на стол... – бабушка тянет дедушку за штанину, но он не сдаётся. Взоры всех вопросительно смотрят на дедушку.

– Ну да, есть такой ритуал за морем... Именно у англичан, да! – семейный знаток этикета принял решение выкручиваться до конца. – Я же вам говорю: пресловутый «файв-о-клок». Представьте себе, девочки, королевский замок. Представили? Двор заполнен придворными. Все толкуются у балкона, ждут, когда герольды объявят список приглашённых на пир...

Настя легко представляет старинный замок: он похож на их дом отдыха. В замке длинный стол, за которым сидят сплошные герцоги и маркизы. Одежда на них тоже старинная, как раз такая, какая нравится Насте в сказках. Все держат правую ногу на столе. По этикету это означает, что они готовы на всё ради своей прекрасной королевы. Без ботфортов, конечно, ботфорты под столом.

Дворяне неотрывно смотрят на её величество, ловят её благосклонный взгляд. Вышколенные официанты с невозмутимыми лицами берут у каждого гостя его чашку и подносят к королеве. Королева собственноручно насыпает в чашку сахар. Одним сахар белый – из той вазочки, что слева, без яда. Другим – синий, из той, что справа. Герцоги и маркизы ревниво поглядывают, кому из какой, и озабочены только одним, как сохранить своё лицо, если что...

Официант Алексей приносит пирожные. Все встречают его с ликованием.

– Чудесно!

Каждое пирожное выполнено в виде парочки маленьких, как игрушечных, цветных ботфортиков, с серебряными пряжками и золотыми шпорами.

– А почему сапоги? – спрашивает пытливая мама Алёна. Ей хочется знать всё в подробностях.

Официант умоляющим взором смотрит на дедушку. Тот понимает, что надо приходиться на выручку.

– Да это тут местная легенда, ничего интересного. Бодрый Маркиз спалился... В смысле, провалился в болото. В конце концов... Вот, остались только сапоги.

Официант благодарит дедушку взглядом и исчезает.

– Прикольно! – смеётся Настя. – Я не знала про болото.

Лакомство так и просится ей в рот, но тут выясняется, что нога, дотоле служившая украшением стола, теперь мешает это лакомство ковырять специальными ложечками. Кажется, Настя уже начинает понимать, зачем людям этикет.

– Ладно уж, уберу я вашу ногу, – Настя произносит это с ворчанием, чтобы эти взрослые не задавались, что они тут главные.

«Эх, вот была бы она английской королевой, – мечтает про себя Настя, – то уж точно знала бы, кого пригласить на пир. Конечно, этого Арсения из соседней группы. Приходит он к ней во дворец в костюме барона, весь в сапогах... А она ему сахару, сахару... Синего! Посмотрим, как сохранит он своё лицо!.. Нет, потом она, конечно, даст ему противоядие, но здороваться больше не будет...»

– И всё-таки, кто-нибудь скажет мне, что такое этикет? – возвращается к прерванной теме дотошная мама Алёна, помешивая чай ложечкой.

Все вопросительно смотрят на дедушку. Но тут опять вмешивается официант. Все выкли уже к такой его манере – возникать призраком – и дедушка уступает ему слово.

– Я могу сказать, мы учили. Этикет – это когда всем нашим клиентам хорошо.

– Вы, безусловно, правы, – соглашается мама Алёна, – нам у вас хорошо. Но, может, есть ещё версии?

– Я знаю! – поднимает руку Настя. – Этикет – это когда у Юры ноги под столом.

– Молодец, – одобряет дедушка. Блестящий ответ внучки он записывает в достижения своих неординарных педагогических приёмов.

– Но у Насти тоже должны быть ноги под столом. Иначе что это за этикет, – поправляет мама Алёна.

– Правильно, а на ногах у всех носки, – это вносит поправку в проект семейного этикета бабушка.

– А на носках у всех тапочки, – добавляет Настя.

– И все живы-здоровы, – не сговариваясь, говорят хором дедушка с бабушкой.

– Э, да мы же, оказывается, именно так и живём! – восклицает мама Алёна. – У всех ноги под столом, и мы живы! Смотрите-ка – точно по этикету!

Семья принимается за вкусный чай с ароматными ботфортами.

Примечания

1. Название дома отдыха «Бодрая Маркиза» навеяно маркой мороженого «Бодрая корова» – чья-то замечательная находка! Однако автор просит не считать этот рассказ рекламой мороженого. И уж тем более – английского чая...

2. Рассказ написан задолго до разгрома известных событий с отравлениями в королевстве Великобритания. Автор не виноват, что текст получился с такими провидческими мотивами.

Вокруг музыки

Вчера Настя впервые подралась. Вышла с сольфеджио, а там её враг Арсений. Слово за слово...

Ну как, подралась. До этого всегда Арсений толкал Настю, все пять лет из шестилетней её жизни. А сегодня, наконец, достойно ответила она.

Схватка была скоротечной, но суровой. Враг, пересчитав свои и так шербатые от возраста зубы, ошибся в счёте и удивлённо произнёс: «Ого!» Но, пересчитав заново и убедившись, что все двадцать пять всё-таки на месте, многозначительно закончил: «Ну, теперь берегись...»

После чего, шмыгая носом и всхлипывая, поспешно ретировался ябедничать маме, оставив поле битвы за Настей.

Настя погрозила ему вслед кулаком и вдруг ощутила неведомый доселе вкус настоящей победы.

Мама Алёна была так ошеломлена событием, что неосмотрительно завела Настю в кондитерскую и там была вынуждена купить какую-то особенную конфету, размерами со спортивный кубок по боксу.

Настя подумала, что пятёрка по сольфеджио приносит гораздо меньше дивидендов, чем удачно подставленное левое плечо, толчковое. «До, ре, ми, фа» и так далее – вещь, понятно, нужная. Но настоящая жизнь, кажется, начинается после музыки.

Учительница по фортепиано давно восторгается Настиными способностями. Говорит, что, возможно, они обусловлены наследственностью. А узнав, что «Кукушечку» Настя разучивала дома на детском клавесине, а в школе блестяще сыграла на настоящем рояле, ужаснулась и сказала, что такому ребёнку надо немедленно купить рояль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.